

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ Как говорит современная молодёжь?

Галина Михайловна Мандрикова,
заведующая кафедрой филологии Новосибирского государственного
технического университета, доктор филологических наук

*«Наверное, вы догадались, что обозначает эта полоса!!!
Это наша середина!! Меридиана!»
(из объявления, написанного студентами
о праздновании медианы)*

Несмотря на то, что использование жаргонной лексики и — ещё хуже! — пристрастие к сквернословью, а также несоблюдение (очевидно, по причине незнания) различных норм русского языка — орфоэпических (неверное произношение и ударение), лексических (различные нарушения в выборе лексических средств) и грамматических (ошибочное образование словоформ и синтаксического строя высказывания) действительно присутствуют в речи, приписывать их исключительно молодёжи было бы неправильно: это, скорее, болезнь всего общества, подхваченная им в пресловутые девяностые — период «разброда и шатаний», когда всем было не только не до норм языка, но и ещё много не до чего. Возможно, поэтому, когда в обществе появляются споры и дискуссии «проязык» (вспомним всеобщее волнение, охватившее широкие массы при попытке лингвистов упорядочить некоторые правила русской орфографии, названное кем-то несведущим «реформой языка», или появление в некоторых словарях йогурта и брачащихся), я радуюсь — значит всё у нас в стране не так уж и плохо, если людям это важно.

Боюсь только, что многие ревнители русской речи, которых коробит телереклама, где приятный мужской баритон по-прежнему предлагает покупать и ставить на окна жалюзи вместо жалюзИ, не замечают более серьёзных вещей, которые не входят в традиционный «культуроречевой набор» (кофе только чёрный, мы не ложим, а кладём, пальто на себя надо надевать, а ребёнка одевать). Что я имею в виду?

- словарный запас • модные слова
- агнонимы • речевые ошибки
- фразеологические единицы
- социокультурный контекст
- инвективная лексика • языковая рефлексия • образованный человек

Как говорят школьники и студенты в XXI веке?

Во-первых, многие современные молодые люди, к сожалению, обладают сравнительно небольшим словарным запасом, то есть многие слова и выражения русского языка ими не используются или вовсе не входят в их активный словарь. Это ситуация, которую можно охарактеризовать как синдром Элочки-людоедки. Шутить с ними на эту тему тоже иногда безнадежно: у вас могут вежливо спросить, кто это такая... Ярким примером в этом случае могут служить слова *прикольный* и *тусоваться*.

Прикольным в принципе может быть всё: фильм, музыка, книга, человек (это ещё понятно), но *прикольная теория*, *прикольный компьютер*, *прикольное мороженое*? А как вам выражение «У меня сегодня ребёнок тусуется с няней» — в смысле «няня сидит с моим ребёнком»? Иначе говоря, в речи молодёжи слова с размытой семантикой (чаще всего это жаргонизмы или разговорная лексика) получают весьма широкое распространение, поскольку обладают свойством экономить мыслительную энергию. Действительно, зачем знать/вспоминать/подбирать/употреблять другие/разные/многие слова, если можно пользоваться одним на все случаи жизни, выражая им в зависимости от ситуации совершенно разные смыслы! Современная разговорная речь, особенно речь молодёжи, содержит большое количество примеров слов с размытой семантикой. Например:

- 1) *Стихи такие, что Пушкин отдыхает* (рассказ девушки о творчестве подруги).
- 2) *Весь сеанс проспал. Такой фильм клёвый!* (высказывание молодого человека, выходящего из кинотеатра).

3) *Представляешь, меня сегодня собака укусила. — Ого! Жесть* (из разговора друзей).

По мнению Г.А. Золотовой, такие слова являются выражением одной из дисфункций современной речи: они не наполнены конкретным содержанием, своего рода палочка-выручалочка в различных языковых ситуациях [5: 131]. Кроме того, слова с размытой семантикой могут приводить к различного рода коммуникативным неудачам в общении, создавать ложное впечатление об адекватности коммуникации, быть совершенно непонятными для иностранцев, даже неплохо владеющих русским языком.

Второй заметной составляющей молодёжной речи я бы назвала любовь к так называемым «модным» словам.

Под языковой модой в современной лингвистике обычно понимают тенденцию к употреблению носителями языка таких языковых единиц, которые наиболее востребованы обществом в целом или различными социальными группами. Иначе говоря, языковую моду определяет господствующий в обществе или в языковом коллективе языковой вкус, который проявляется в предпочтении тех или иных языковых единиц.

Можно сказать, что модное слово отличается от обычного (нейтрального) слова такими признаками, как 1) современность; 2) универсальность; 3) демонстративность; 4) языковая игра [2: 13], [6: 7]. Считаем, что к числу названных признаков необходимо добавить и то, что модное слово — это, как правило, иностранное слово, которое, как известно, для русского человека обладает особым обаянием престижности. Таким образом, **модные слова** — это особый разряд лексики, хотя и соотносимый с ключевыми/актуальными словами и неологизмами. Общий признак у всех этих слов — высокая частотность употребления в конкретный временной период. Однако если ключевые/актуальные

слова имеют склонность выражать конкретные значения, то модные характеризуются широкой семантикой и, соответственно, имеют более широкую сферу функционирования. Кстати, некоторые исследователи полагают, что показателем модности слова может служить его использование в рекламных текстах и слоганах, например: **экстремально** быстро — экстремально **креативно!** Привнеси в свою жизнь **экстрима!** [9].

Особенно забавно наблюдать использование модных слов в обычной разговорной речи, в речи спортивных комментаторов, журналистов, некоторых политиков, телеведущих, например: *Мы **позиционируем** себя как ресторан традиционной кухни (из интервью); Сейчас главная **концепция** — землю надо продавать (ТВ, программа «Сегодня»); Это **падение** можно списать на **фактор** нервозности (ТВ, спортивный комментатор); *Жизнь наших героев **забила** с новым **драйвом*** (Дачный ответ, НТВ); *Это **эксклюзивная** ситуация*, так как она не поддаётся нормативному описанию (ТВ, новости).*

Молодёжная, в частности студенческая, аудитория, по нашему наблюдению, одна из самых «падких» на модные слова, что представляется вполне естественным для этой социальной группы — в качестве аргумента можно вновь обратиться к признакам модного слова, характеризующим не только лексику, но и определённые ценностные установки этой группы. В своё время мы проводили экспериментальное исследование модных слов (например, *глумур, креатив, баннер, пафос*), представленных в речи, которое дало интересные результаты. Анкета, используемая в эксперименте, состояла из трёх блоков, которые условно можно назвать 1) опознаванием слова, 2) его семантизацией и 3) отношением носителя языка к функционированию слова в современной речевой практике. Оказалось, что именно студенты, в отличие от других групп информантов, показали не только понимание значения слов, но и сформированное личное отношение к ним. Это всегда помогает вхождению слов из узкой профессиональной сферы в корпус модных и актуальных. Использование модных слов в речи студентов представляется вполне оправданным, поскольку к этой социальной группе, как к никакой другой, можно применить слова А. Мустайюки и И.Т. Вепревой

о том, что факт употребления модного слова «имеет определённый подтекст, адресованный собеседнику: «Я прекрасно знаю, что ты уже знаешь это слово, и хочу показать, что и я знаю его; я ведь современный человек» [14: 61].

Обратим внимание и на то, что зачастую модные слова для многих носителей языка, с удовольствием их употребляющих, **агнони́мы** — лексические и фразеологические единицы, неизвестные, непонятные или малопонятные носителю языка.

Использование агнонимов можно считать ещё одной характерной особенностью речи молодых носителей языка. Агнони́мия особенно ярко проявляется в современной языковой ситуации, когда целые пласты лексического и фразеологического фонда русского языка уходят из активного употребления в пассивный словарь, и многие слова и фразеологизмы становятся по сути агнонимами для носителей языка. В большей степени агнони́мия характеризует речь молодого поколения, которое, по словам О.Б. Сиротининой, почти не читает, понимает свободу как волю и проявляет при использовании языка «самоуверенную неграмотность» [15].

Показательны в этом смысле сочинения, написанные абитуриентами в рамках ЕГЭ. На примере подобных текстов можно увидеть реальное использование тех или иных лексических единиц конкретной языковой личностью, понять, насколько соответствует действительности её представление о значении слова и что может произойти в случае расхождения с этой самой действительностью. В этом смысле интересно рассмотреть следующее предложение из сочинения абитуриента: *Ветеран вернулся в те места, где он воевал с товарищами, где были **разбиты** их палатки для ночлежки (слово *ночлежка* в значении *ночлег* также показательно!). Понятно, что оценивавший работу эксперт*

оказался в сложном положении: абитуриент не понял из текста, по которому писал сочинение, одно слово, из-за чего для него оказалась искажённой часть смысла всего текста. Абитуриент решил, что палатки, поставленные солдатами для ночлега, были *разбомблены* немецкими самолётами — тогда как автор текста, по которому написано сочинение, имел в виду совершенно другое — палатки были поставлены, приготовлены для ночлега. Старый солдат вернулся спустя годы на это место не потому, что там погибли под бомбёжкой его товарищи, как решил пишущий, а совсем по другой причине. Одно из значений глагола *разбить* — «расположить» явилось агнонимичным для абитуриента, причём этот случай оказался далеко не единственным. (Кстати, значение «распланировать посадки» — «разбить клумбу» также агнонимично для молодых носителей языка. Для сравнения: *Руками молодых разбиты клумбы* интерпретируется современными молодыми респондентами как акт вандализма, а не как благородный поступок) [8].

Речевые ошибки и коммуникация

Известно, что незнание или неточное знание значения слова — причина одной из наиболее распространённых речевых ошибок. Для сравнения приведём примеры объяснений слов, взятые из вступительных тестов¹ абитуриентов: визировать — *ходить в гости*; фигурировать — *кататься на фигурных коньках*; преставиться — *прислониться к кому-чему-либо*; прогрессировать — *проявлять агрессию* или *Он котировался* в обществе как развратник, нахал и пьяница. Другая характерная черта лексической компетенции молодого носителя языка — активное использование слов, значение которых осознаётся им весьма приблизительно (например, *Какими фактами вы апеллируете?*).

¹ Речь идёт о тестах, использовавшихся в качестве испытания по русскому языку на вступительных экзаменах в НИТУ до ЕГЭ.

Заметим, что многие речевые ошибки при всей серьёзности не обязательно должны привести коммуникантов к ситуации коммуникативной неудачи, тогда как агнонимическая ошибка, как правило, делает общение либо невозможным, либо создаёт иллюзию понятности, не позволяющую считать такое общение полноценным.

Подобные случаи опасны ещё и тем, что многие лексические единицы содержат, помимо всего прочего, оценочную, образную информацию, и неверное её понимание может сформировать, в свою очередь, превратное представление о явлении, человеке, событии, контексте. Так, например, некоторые носители языка, относящие себя, скорее, к старшему поколению, привычно воспринимают слова *шок*, *шокирован(а)* как ‘испытал(а) неприятные чувства, наблюдая какое-либо несоблюдение общепринятых норм’, то есть в соответствии со словарным значением ([*Елена Дмитриевна*] *метнула на мужа злой взгляд: её шокировало небрежное его отношение к гостям. Гладков, Энергия* [10]). В то же время другие носители языка, относящиеся, скорее, к более молодому поколению, активно используют те же слова и выражения в значении ‘сильно удивиться’, причём ‘приятно удивиться’. Коммуникативный сбой в этом случае обусловлен не столько семантическим расхождением между этими двумя представлениями о значении слова *шокировать* (есть общая сема), сколько расхождением коннотативным (от отрицательного — к нейтральному — и положительному).

Нельзя не согласиться с тем, что слово, как пишет А. Е. Михневич, «оставаясь фактом языка, выступает как носитель знания, орудие культуры, инструмент поиска смысла, ступень к интеллектуальной свободе» [13: 103]. Основная идея подхода А. Е. Михневича состоит в том, что агнонимия — это оборотная сторона слова как феномена духовной культуры — культуры речи, знаний, общения. Недаром в качестве заголовка статьи автором

используется вопрос: «Агнонимы — это феномен языка, знания или культуры?».

По словам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, исследовавших связь языка с культурой при обучении языку, «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком».

Но и «сами носители языка овладевают своей собственной национальной культурой не иначе, как через посредство родного языка» [1: 4].

Фразеология является «наиболее прозрачным для воплощаемых средствами языка концептов «языка» культуры, поскольку в образном основании фразеологизмов отображаются характерологические черты мировидения, рефлексивно соотносимые носителями языка с этим «языком» [16: 9]. Коль скоро фразеологические единицы — языковые средства культурного самосознания народа, их «состояние», бытование, появление и исчезновение в определённом смысле маркируют состояние культуры современного общества. В качестве иллюстрации к сказанному приведём результаты эксперимента, в котором анкетированные студенты и школьники определяли значение фразеологической единицы **синий чулок**.

Сегодня названный фразеологизм не относится к числу широко известных. Будучи по происхождению литературным, отражая реалии времени, когда этот фразеологизм вошёл в литературный оборот. Он, скорее, иллюстрирует принадлежность к числу образованных носителей языка. Таким образом, **синий чулок** выбран не случайно: его заимствованный характер (англ. *bluestocking*) и принадлежность главным образом книжной речи позволяют предположить, что для части носителей языка он своего рода культурный агноним. (Интересно, что в одном из современных источников² эта фразеологическая единица характеризуется как разговорная.)

Анализируя данные фразеологических словарей, в которых зафиксирован **синий чулок**, нетрудно заметить, что его значение за столетия претерпело определённые изме-

² Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М., 1997.

нения. Так, у М.И. Михельсона (1892 г.) читаем: «Для обозначений женщин, предавшихся исключительно наукам и писательству, которые, носясь со своею педантичною учёностью пренебрегают всеми другими качествами и обязанностями женщины и даже матери» [12: 392]. В этой трактовке очевидно преобладает рационально-оценочный компонент значения, реакция общества на обозначаемое единицей явление была сугубо неодобрительной. Подтверждением этому служит помета при этой фразеологической единице в словаре А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко — *устар. неодобр.* [11]. Большинство современных источников фиксируют, на наш взгляд, преобладание эмоциональной составляющей: ироническое, насмешливое, иногда презрительное отношение к тому, кого можно так назвать. «Педантичная учёность» применительно к современным условиям конкретизировалась в «поглощённость» не только «книжными, учёными, но и научными, служебными интересами», а «пренебрежение качествами и обязанностями женщины и даже матери» — в «отсутствие женственности, обаяния, привлекательности».

Данные, полученные в результате проведённого эксперимента, подтвердили первоначальное предположение о возможности различных интерпретаций. Обращение к показаниям языкового сознания молодых носителей языка позволяет говорить об определённой «корректировке» словарного значения — **синий чулок**. Из 111 опрошенных 15% не дали никакого ответа. Анализ же полученных ответов рисует следующую картину. 5% информантов определили это выражение как не относящееся к человеку: 1) *про чулок (бывают ещё красные, зелёные); это ненужная вещь (человек купил то, что у него уже есть — Ещё один синий чулок купил!); цвет, оттенок чего-либо; предмет туалета модниц, то есть поняли — буквально.* Только 10% указали, что речь идёт

о женщине (остальные ответы — «о человеке», «о людях»). Информанты слабо представляют себе особенности употребления выражения, однако отрицательная оценка так или иначе содержится в большинстве ответов. Каково же представление о **синем чулке** в языковом сознании информантов?

1. Ответы свидетельствуют о своеобразном «расширении» первоначального значения, и это расширение связано с национально-культурными традициями, которые до сих пор сильны в обществе. Другими словами, женщина, *занимающаяся* в основном наукой или работой, это, конечно же, малопривлекательная особа, *не следящая за собой*, как правило, *скромная, незаметная, излишне правильная отшельница*, а значит, не имеющая личной жизни и надежд на замужество *старая дева*. Таким образом, конвенциональное — «поглощённая книжными интересами» — развивается в ответах информантов по обыденной (обывательской) логике.

2. Часть информантов считает, что **синий чулок** — это человек, *ведущий скучный образ жизни, в основном за книгами и человек, живущий только профессиональными интересами*. Размышляя о природе таких ответов, наверное, можно предположить, что у информанта есть знание о единице, но не о её функционировании, то есть. налицо ситуация: «я знаю, что это значит, но я не знаю, о ком так можно сказать».

3. Большинство информантов определяют **синий чулок** следующим образом: *не такой как все, особенный, неординарный, выделяющийся из общей массы, отличающийся от других людей, необычный, не похожий на остальных*. В этом случае налицо аналогия с выражением **белая ворона**, тем более что ряд информантов в качестве дефиниции или её части привели именно это выражение как синоним. Однако если обратиться к словарному значению фразеологической единицы **синий чулок**, то вполне очевидно, что «отличающийся от других, не такой, как все», то есть отклоняющийся от нормы

(с отрицательным значением), есть не что иное как рационально-оценочный тип информации [4].

Через агнонимы можно увидеть и социализацию человека, определяемую социокультурным контекстом того или иного периода. Например, слова эскадра, эскадрилья, эскадрон оказались агнонимами для современных студентов и школьников, и попытка вывести их на связанные с советским временем «культурные знаки» (название фильма «Гибель эскадры», строчку Дениса Давыдова «Эскадрон гусар летучих» (или название одноимённого фильма) и песню «Летит стальная эскадрилья») успеха не имела.

Исследовательское впечатление от работы с большим количеством подобного материала состоит в том, что появляется возможность не только проследить динамику языковых изменений, но и задуматься о лингвокультурологической «неграмотности» современного носителя языка. Изучение случаев неверного, «неправильного» употребления и, соответственно, понимания, то есть, по сути, фразеологической агнонимии, заставляет сделать, как минимум, вывод о том, что уровень лингвокультурологической компетенции современного носителя языка (в части знания фразеологического фонда) нельзя назвать высоким.

Использование ненормативной лексики: источники и понимание

Называя следующую отличительную черту речи молодых сверстников, я в полной мере отдаю себе отчёт в том, что никаких открытий не совершу: кто не знает, что не только студенты, но и школьники активно используют ненормативную лексику? Оставляя за рамками статьи всяческое негодование по этому поводу, обратимся к результатам социолингвистического эксперимента, проведённого со студентами и школьниками г. Новосибирска.

Считаем необходимым пояснить, что понимается под инвективой/инвективной лексикой. Как известно, существуют две принципиальные трактовки термина «инвектива»: «в узком смысле инвектива представляется как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в социальной группе как резкий и табуированный; инвектива — это вербальное нарушение этического табу, осуществлённое не кодифицированными средствами. В широком смысле инвектива — любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [3: 214]. Следует заметить, что ругательства далеко не всегда употребляются как вербальное оружие. Так, к примеру, многие учёные не относят к инвективам ругательства, употреблённые как междометия, ругательства в роли вокативов, hesitation, связочных средств, то есть всё это, что можно определить фразой: «Они матом не ругаются, они на нём разговаривают». В статье мы используем термин «инвектива» в значении вербального нарушения этического табу, осуществлённого не кодифицированными средствами.

С позиции социолингвистики инвективные единицы можно рассматривать как социальные маркеры, характерные для того или иного социолекта. Традиционно считается, что инвективная лексика — «достояние» представителей социального «низа» или «деклассированных элементов». Ругаться, по мнению общества, может только человек с очень низкой внешней и внутренней культурой, в отличие от человека высокой культуры. Заметим, что инвективная лексика благодаря множеству функций представляет собой довольно обширный пласт, позволяющий удовлетворить потребности любой социальной группы, и разница существует лишь в выборе и реализации инвективных формул, целенаправленном нарушении языкового табу.

Существенный фактор, способный влиять на инвективное словоупотребление, помимо прочих, — возраст. Говоря об инвективе и частотности употребления соответствующих формул представителями различных возрастных групп, необходимо отметить факт большей частотности употребления инвектив молодёжью. Даже простое наблюдение над речью современной молодёжи (в частности студентов) свидетельствует о том, что инвектива — одно из

собственных средств общения, базовых элементов, характеризующих молодёжный сленг. Так, опрошено 170 человек (школьники: гимназия «Содружество», школа № 15 (11-е классы) и студенты: Новосибирского торгово-экономического колледжа и Новосибирского государственного технического университета [7]. Анкетирование, проводимое среди носителей русского языка (студентов и школьников), должно было дать ответы на следующие вопросы:

1) Где обычно вы слышите нецензурную лексику? (варианты ответов: «В учебном заведении», «Дома», «На улице/в транспорте», «На работе» и свободный вариант ответа — «Другое»).

Самый популярный ответ студентов и школьников — «На улице/в транспорте» (73%). Чуть меньше респондентов отметили, что слышат подобную лексику чаще всего в учебном заведении (55%). Далее следуют ответы «Дома» (11%), «Везде» (9%) и «На работе» (6%). Существуют и единичные варианты ответов: *в клубе, на футбольном поле*. Итак, подавляющее большинство участников опроса слышит инвективную лексику в общественных местах, на улице, в транспорте, остальные высказались в том духе, что конкретного ответа нет, и, скорее всего, подобные слова можно услышать «везде».

2) В какой среде чаще всего можно заметить подобное словоупотребление? (варианты ответов: «Между преподавателями/учителями», «В общении между сверстниками/ друзьями», «В семье», «Людьми в общественных местах» и свободный вариант ответа — «Другое»).

Большое число анкетированных студентов призналось, что не слышат подобной лексики в разговорах между преподавателями. Только три школьника и девять студентов первых курсов колледжа (6%) сообщили, что подобные слова можно услышать из уст преподавателей.

В большинстве своём информанты признались, что чаще всего инвектива используется в общении с друзьями, коллегами (80%). Далее идёт ответ «людьми в общественных местах» (60%). Также респонденты отметили, что подобные слова можно услышать в общении членов семьи, родителей (8%). 2% заметили, что нецензурные слова используют люди, окружающие их в любой среде — ответ «всеми». Большое число ответивших, что слышат нецензурную лексику в общении между «сверстниками/друзьями» свидетельствует о том, что в большинстве случаев это считается вполне нормальным и не пресекается в межличностном общении.

3) Чему способствует использование подобных слов? (варианты ответов: «Снятие стресса», «Связка слов в предложении», «Реакция на сказанное/услышанное», «Установление контакта» и свободный вариант ответа — «Другое»).

Наиболее часто респонденты используют нецензурные слова и выражения при реакции на услышанное или сказанное (56%). Также респонденты признались, что используют инвективу в качестве междометий либо в функции связки слов в предложении (31%). Для снятия стресса, нервного напряжения, эмоциональной разгрузки инвективу используют 28% респондентов. Несмотря на активное подчёркивание значения функции установления контакта во многих работах отечественных лингвистов, исследование показало, что респонденты не задумываются о том, что использование инвективы способствует установлению контакта. Такой ответ дали всего 5% опрошенных. Стоит заметить, что в это число входят в основном молодые люди (7 человек) и всего одна девушка. Некоторые опрошенные отметили влияние привычки (3 человека).

4) Влияет ли массовая западная культура на русский язык в смысле появления и закрепления каких-то нецензурных выражений? Если да, то насколько сильно/очевидно такое влияние?

Влияние западной культуры на русский язык отметили чуть меньше половины респондентов (48%). 16 человек считают, что влияние очень сильное: очевидно; достаточно; сильно; безусловно; прилично. Многие считают, что это влияние осуществляется посредством западных телевизионных программ, теле-шоу, кинематографа, а также музыки, в частности, рэп-культуры. Особо выделялся респондентами телевизионный канал MTV, на котором показывают наиболее неприличные передачи. Также назывались периодические издания, преимущественно журналы для мужчин эротического характера. Были ответы, в которых давались примеры лексических единиц, пришедших в нашу речь: фак, май гад, щит, битчи и другие. Кстати, эти слова из английского языка (*fuck, mygod, shit*) бытуют не только в русском молодёжном сленге. Действительно, влияние американской культуры отмечено участниками опроса. Респонденты отвечали: *запад влияет, многое берут от американцев; вообще, запад плохо влияет, особенно Америка* (упомянутый выше телеканал MTV имеет отношение к американскому телевидению, что также можно отнести к ответам об американском влиянии на нашу речь).

Ответ «не влияет» дали 37%, что говорит о неоднозначной оценке влияния западной культуры на русскую. К этому можно добавить то, что многие ответы носили неопределённый характер: *влияет, но пока не сильно; да, но незначительно; влияет, но не очевидно* (подобные ответы были отнесены к тем, кто считает, что влияние западной культуры есть). Интересны ответы о том, что влияние происходит, скорее, с нашей стороны: *у нас свой ненормативный лексикон достаточно богат, чтобы ещё у кого-то заимствовать. Различные «факи» и «битчи» заимствуются в настолько незначительной степени и в таком кастрированном виде, что тут не о чем говорить; У нас и без неё всегда таких выражений было много; русские маты самобытны; на Западе материться-то*

не умеют. Нет. Просто появляются дурацкие интерпретированные слова, украденные из английского; Считаю, что не влияет, так как мамы, нецензурная лексика, в основном, от нас и пошла. Некоторые респонденты просто высказывались о своём явно негативном отношении к западу: *Западная культура ценит только себя и свою страну; Влияет на расслабление нации.*

5) Насколько семейное воспитание формирует предпочтение человека употреблять неприличные слова?

Респонденты (71%) отметили, что родители, семья влияют на последующее употребление ребёнком нецензурных слов. К их числу мы относили и следующие ответы: *Считаю, что семья мало влияет на это, так как подобные выражения мы слышим в обществе; не больше, чем компания, среди которой человек находится; Не слишком влияет; Воспитание мало влияет. Оценка влияния всё равно присутствует в этих высказываниях, хотя и небольшая и даже неопределённая.*

Всего 8% опрошенных выразили неприятие позиции влияния семьи: *влияние друзей порой выше; Я не думаю, что это зависит от воспитания, скорее от самого человека; От родителей не зависит, скорее от общества, компании; Воспитывает улица, а не родители; Семейное воспитание не влияет. Влияет школа, двор и круг общения; Нет, не влияют родители, в основном, мы слышим от других людей; Всё зависит от друзей; Нет, всё зависит от человека.*

6) Зависит ли инвективное словоупотребление от уровня образования человека?

Ответы на этот вопрос можно разделить на три группы: 1) «да, считаю» — 40%, 2) «нет, не считаю» — 58%, 3) «не знаю» («не уверен/ не уверена») — 2%. Респонденты, считающие, что образованный человек ругается реже, приводили следующие аргументы: *образованный человек заменит непристойное слово другим; образованный человек может переформулировать или заменить слово. Мы отнесли также в группу «да, считаю» и такие ответы: Более того, образованный человек (а не быдло, отсидевшее на*

платном отделении 5 лет) ругается исключительно к месту, Просто лучше выбирает место и время, Даже образованные люди ругаются между своих друзей, Он ругается в душе. То есть, респонденты признают вероятность употребления нецензурных слов, если их употребление происходит в подходящей ситуации (какой конкретно, респондентами не уточнялось). К этой группе мы также отнесли ответы: Не обязательно; Возможно; Скорее да, чем нет; Наверное, да; Да, но не всегда; Да, но не во всех случаях.

В группе отрицающих влияние образования можно выделить интересные ответы: *Нет, это вопрос не образования, а личной культуры — а это совсем не одно и то же; Зависит от его личных ценностей; Образованность и приличность разные вещи; Это также зависит и от характера и воспитания; Образованные люди бывают разные.*

Почти все информанты давали довольно чёткие, полные, развёрнутые ответы, что отвечало задаче рассмотрения оценок, мнений информантов по предложенным вопросам, а также особенностей инвективного словоупотребления молодыми людьми. Полученные ответы дали возможность проследить, как информант формирует свою позицию относительно инвективного словоупотребления. Практически все участники давали ответы на вопросы: процент респондентов, которые затруднялись ответить на вопрос, присутствовал в каждом вопросе, однако был небольшим, что никак не повлияло на эффективность и общие результаты опроса. Респонденты старались информативно отвечать даже на те вопросы, которые были даны без вариантов ответа. Участники эксперимента открыто высказывали своё мнение, приводя интересные примеры, что в полной мере позволяло провести анализ результатов.

Уже в ходе эксперимента появилась мысль о том, что, **если бы подобные**

(и при этом, разумеется, не формальные) мероприятия проводились иногда не отдельными любопытствующими учёными, а систематически образовательными структурами, то, возможно, подобная языковая рефлексия принесла бы свои плоды, заставив молодых людей задуматься: почему я так говорю?

Литература:

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4 изд. перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990.
2. *Гофман А.Б.* Мода и люди. М., 1994.
3. *Жельвис В.И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема. М.: АСТ, 2008.
4. *Жукова Е.Г., Мандрикова Г.М.* Фразеологическая агнонимия (опыт экспериментального исследования) // Актуальные проблемы русистики: Материалы международной научной конференции (Томск, 21–23 октября 2003 г.) Вып. 2. Ч. 2. Томск, 2003. С. 96–103.
5. *Золотова Г.А.* Функции и дисфункции современной русской речи // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.
6. *Клепач Е.В.* Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
7. *Мандрикова Г.М.* Инвективная лексика в студенческой речи (на примере русского и польского языков) / Актуальные проблемы лингвистики — германистики, романистики и русистики (общетеоретический, переводческий, методический и лингвострановедческий аспекты) / Мат-лы Междунар. конф. Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2011.
8. *Мандрикова Г.М.* О причинах появления лексических агнонимов в современном словоупотреблении / Активные процессы в русской лексике и фразеологии: Материалы Междунар. науч. конф. (8–9 июня 2007 г. Москва). Москва-Ярославль, 2007. С. 119–122.
9. *Мандрикова Г.М.* Модные слова в речи студентов (на материале экспериментального исследования) / Слово в пространстве языка // Мат-лы Международной научно-практической заочной конференции. Ульяновск: ГОУ УЛГПУ им. И.Н. Ульянова, 2011.
10. *МАС* — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.
11. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, Астрель, 2001.
12. *Михельсон М.И.* Большой толково-фразеологический словарь в 3-х тт. М.: ЕТС, 2004. С. 2208.
13. *Михневич А.Е.* Агнонимы — феномен языка, знания или культуры? / Мат-лы VI Международной науч. конф. «Язык и социум». Минск, 2004.
14. *Мустайоки А., Вепрева И.Т.* Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды. РЯЗР, 2002. № 6. С. 45–62.
15. *Сиротинина О.Б.* Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. Вып. 7. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 31–42.
16. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996. **НО**